не окончательно изжитое прошлое проэцируется в будущее. Пафос отрицания демократии основывается на вере, что именно «мы» являемся меньшинством, которое призвано властвовать и повелевать. В этом психологическое родство (я сказал бы даже: тожество) большевизма и фашизма, при всем различии социальной базы этих обоих течений. Их пафос — пафос господствующего, правящего сословия. Такой пафос может получить сколько-нибудь широкое распространение лишь в странах, стоящих на низком уровне политического развития, в странах, население которых не прошло школы личной и гражданской свободы. Недаром просвещенные путешественники, побывавшие в гостях у советского правительства, расточающие у себя на родине похвалы этому правительству, его достижениям и в еще большей степени его намерениям, обычно делают при этом одну оговорку: советский строй превосходен для русского народа, но культурным народам Запада трудно было бы привыкнуть к системе, упраздняющей личную свободу!

Трудно логически опровергнуть насквозь субъективную идеологию людей, верующих в особые права и особую миссию своей группы (независимо от того, фашистская это группи или большевистская) Но, может быть, подсчеты, которые мы сделали в предыдущих главах, заставят задуматься кое кого из колеблющихся между идеей демократии и идеей правящего меньшинства. В экономически развитых странах политически активно — как общее правило — огромное большинство населения, коэффициент участия в выборах доходит здесь до 75-80%, в больших городах даже до 85%. В общем и целом, большинство населения делает из свого права голосования то употребление, которое соответствует реальным интересам данной социальной группы, — только процесс осознания каждой группой своих интересов совершается не повсюду одинаково быстро. Пролетариат все более сплачивается вокруг социалистического знамени. Этой ростущей силе противостоят партии и группы буржуазии, которым удается до поры до времени вести за собой крестьянство и часть рабочих и служащих. В осознании массой населения программы, соответствующей их положению и их интересам, главное содержание того процесса социальных перегруппировок, который происходит в настоящее время во всем мире. Каковы должны быть результаты этого процесса на путях демократии, мы знаем. Посмотрим теперь, что должно получиться при отказе от этих путей, при замене принципа демократии методами насилия и диктатуры.

Эти методы могут быть пущены в ход либо для того, чтобы задержать исторический процесс (фашизм), либо для того, чтобы ускорить его (большевизм). Но преградить силой движение к власти ростущего класса можно лишь пока этот класс еще не окреп: торжество фашизма возможно было в Италии, Венгрии, Испании, но очень сомнительно перенесение фашистских методов в страны мощного рабочего движения, как мало вероятно и упрочение фашизма в странах с относительно слабым рабочим движением, но с прочными традициями политической свободы. Торжественные юбилеи стольких то лет господство Муссолини, Хорти, Прима-де-Риверы, даже с присоединением к ним малюсенького Вальдемараса, доказывают лишь одно: в хозяйственно и культурно отсталых аграрных странах возможно управление организованного меньшинства. Положение, не отличающееся новизной и оригинальностью, в более широком масштабе и с большей убедительностью правильность его доказывалась существованием самодержавия в России... до тех пор, пока царизм не был сметен революцией.

Ускорение исторического процесса методами насилия и диктатуры составляет основу тактики большевизма. Убедительность свою эта тактика черпает из факта существования советской России, огромного государства, управляемого на началах диктатуры партией, вышедшей из революции, ведущей свое происхождение от марксизма, проводящей хозяйственную политику, напоминающую некоторыми своими чертами социализм (хотя бы в карикатурном его отображении), и, главное, широко пользующейся всем арсеналом революционно-социалистической фразеологии. Но именно результаты «русского опыта», еще так недавно окружавшие большевистскую доктрину в глазах широких масс Запада, ослепительным ореолом, теперь все более обнажают убожество и бесплодность этой доктрины.

Большевизм пришел к власти в России отнюдь не под лозунгом немедленного осуществления социализма насильственным путем. Он восторжествовал, так как сумел увлечь за собой уставшую от войны 10 миллионную армию, жаждавшую немедленного мира, мира во что бы то ни стало. Не высказанный до конца лозунг сепаратного мира почти исчерпывал политическое содержание октябрского переворота. В последующие годы, в годы гражданской войны большевизм пытался нераз найти свой социальный лик, но безуспешно. Невозмож-